

ИНГЕБОРГА ДАПКУНАЙТЕ УЛЫБКЕ LONGINES ОТВЕЧАЕТ АНДРЕЙ ПЛАХОВ

ингеборга дапкунайте:
«longines ассоциируются с моей семьей»

Никто никого не выбирал, мы с Longines очень удачно сошлись. Наши отношения давно перешли в разряд дружбы, и мы уже даже не помним, что написано в контракте, и не считаем, сколько мероприятий надо провести. И мне приятно, что я ассоциируюсь с этой маркой, для меня это большая честь. Эти часы ассоциируются с моей семьей: когда-то моя мама, обожавшая Longines, купила их на память о жизни в Швейцарии для моей сестры. Они для меня навсегда связаны со сдержанной элегантностью. В них одновременно сочетаются сентиментальность и сила, современность и история. Сентиментальность, конечно, ассоциируется с коллекцией маленьких часов Heritage. Свои любимые я подарила близкой подруге — просто сняла с руки, и теперь они у нее. Из женственных нравятся самые тонкие золотые часы La Grande Classique — они хороши к платью. Но сейчас ношу мужские часы — огромные и тяжелые, они сочетаются с костюмами, которые я часто надеваю. Очень люблю Clous de Paris и те, которые они делали для подводного плавания. И так как я не ношу длинный рукав, мои часы всегда на виду.

Литовка из дипломатической семьи, замужем за англичанином, она говорит по-английски с таким же легким «славянским» акцентом, что придает особое очарование ее «прибалтийскому» русскому. Это очарование плюс актерский талант в сочетании с сильной волей подарило ей роли в английских, бельгийских, французских и даже голливудских фильмах («Миссия невыполнима», «Семь дней в Тибете»), но по-настоящему востребованной сделало в России.

На заре карьеры она снялась в «Интердевочке» Петра Тодоровского, но нашла свой стиль у режиссеров новой генерации — в «Циниках» Дмитрия Месхиева, «Подмосковных вечерах» Валерия Тодоровского. Этот стиль — прищур светлых глаз, жемчужная улыбка, провоцирующая бесстрастность, обжигающий холод и глубоко затаенная эмоция. Она не становится лучшей подругой публики, она не своя в доску, но именно этой чуждостью притягивает и привораживает.

Попытки утеплить образ делались: такой мастер, как Никита Михалков, доверил ей главную женскую роль в «Утомленных солнцем», но это ничего

не изменило. Скорее, народную любовь принесло Дапкунайте участие в ледовых телешоу: один лед растопил другой. Но свиг отчуждения все равно остался в ее экранном облике, и дело не только в стилизаторских наклонностях режиссуры, а в ней самой. Она избегает любого панибратства, прячась под безупречной воспитанностью и напускным кокетством. Будучи высоким профессионалом, детально обговаривает с режиссерами степень откровенности каждой сцены, а к интимным вещам она относит не только наготу, но и, например, слезы. Ничего общего с ханжеством, речь идет о целесообразности: если уж выворачиваешь себя наизнанку, то хотелось бы понимать, ради чего. Режиссер одного фильма то и дело повторял на съемках: «Don't be too sexy». На что актриса возражала: «Гораздо хуже, когда вообще no sexy».

У нее правило: если ты согласился, то надо идти с режиссером до конца. На этом пути немало риска, зато результат может стать выдающимся. Так произошло дважды, и оба раза режиссера звали Алексей Балабанов. Сначала он дал Дапкунайте роль «кавказской пленницы» в «Войне» — небольшую по объему, но чрезвычайно амбициозную и трудную по исполнению. Сцена купания в горном потоке достойна Мэрилин Монро из «Ниагары»: это настоящий шедевр киногении, когда камера влюбляется в лицо и тело актрисы, высекая из нее особое свечение.

Спустя несколько лет еще одна великолепная роль в «Морфии» — на сей раз не декоративная, а мучительно психологическая: фельдшерница Анна Николаевна, движимая любовью, разделяет порок и жребий главного героя. Приглашая западную (по происхождению и по стилю) актрису сыграть русскую бабью жертвенность, Балабанов следует известной российской традиции, высокомерно презирая «буржуйский Запад», одновременно тянуться к нему, как мужчина тянется к красивой недоступной женщине. А Дапкунайте обнаруживает особенно ценное для звезды свойство — умение вписать свои внешние и внутренние данные в идеологический контекст и субъективный мир большого режиссера.

— Longines
La Grande Classique

— Longines
Les Elegantes,
реплика часов
1929 года

— Longines
Clous de Paris